

314453

Профессор В. Е. ЕВГЕНЬЕВ-МАКСИМОВ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ— ВЕЛИКИЙ ПАТРИОТ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Саратовская
область
1957

ОГНЗ
САРАТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУД
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Творчество великих писателей не стареет. В особенности это относится к тем из них, которые проявляют интерес не к узко ограниченному, а к широкому кругу тем, охватывающих различные стороны действительности, затрагивающих разнообразные отрасли человеческого знания.

Нет надобности доказывать, что Николай Гаврилович Чернышевский принадлежит к числу наиболее разносторонних и многосторонних представителей классической русской литературы.

Он воспринимается прежде всего, как исключительно осведомленный ученый, исключительно глубокий мыслитель. Филология, история, философия, педагогика, политическая экономия, естествознание и т. д. и т. п. были изучены им так основательно, что его по праву можно отнести к наиболее авторитетным научным деятелям эпохи, притом ученым деятелям, неизменно стоявшим на передовых позициях.

Здесь не место вдаваться в характеристику научной деятельности Чернышевского. Отметим только, что плодотворнее всего были его работы в области политической экономии. Интерес к этим работам, так же, как и к книге Флеровского «Положение рабочего класса в России», побудил Карла Маркса приступить к основательному изучению русского языка.

В 70-х годов Маркс уже был знаком с основными экономическими работами Чернышевского, а прежде всего с его замечательными «Примечаниями» к «Основаниям» политической

Ст. Милля, причем Маркс вменял в особую заслугу тому, что он так «мастерски выяснил» в области политической экономии. В воспоминаниях Юпатина об отношении Маркса к Чернышевскому, кроме того, сообщается, что, по мнению Маркса, большинство русских экономистов Чернышевский представлял собой действительно оригинального мыслителя, а остальные — только простые компиляторы.

Письмо Чернышевского, — говорил Маркс Лосскому, — послужило посылкой Чернышевского в Сибирь, — есть человек, который знает мир не только России, но и целой Европы.

Однако, сказать о Чернышевском, что он выдающийся ученый, значит охарактеризовать только одну из сторон его духовного облика. Чернышевский—крупнейший литературный критик и, в этой области, может быть поставлен наравне с Белинским. Добролюбов, третья звезда в созвездии великих русских критиков середины XIX века, был, как критик, несомненным его продолжателем. Он руководствовался в своей критической деятельности принципами, провозглашенными Чернышевским в его замечательном трактате «Эстетические отношения искусства к действительности». А принципы эти, ниспровергавшие идеалистическую эстетику, основывались на убеждении, характеризующем Чернышевского, как материалиста-фейербахианца, что «прекрасное в жизни выше прекрасного в искусстве», что прекрасного, иными словами, нужно искать не на небе, а на земле. Отсюда требование, чтобы искусство служило познанию жизни, чтобы оно выносило приговоры как светлым, так и темным сторонам жизни. По Чернышевскому, таким образом, искусство должно быть реалистическим—во-первых и идейным—во-вторых.

Руководствуясь такими эстетическими взглядами, Чернышевский в огромном большинстве случаев умел давать чрезвычайно глубокую и в основе своей совершенно правильную оценку явлениям как литературного прошлого, так и литературного настоящего.

Очень хороши его статьи о Пушкине, а «Очерки гоголевского периода русской литературы», которые дают подробную характеристику литературно-общественных течений 30-х и 40-х годов, уделяя особое внимание отношениям тогдашней критики (Полевого, Надеждина, Шевырева, тем более Белинского к Гоголю,—представляют собой не что иное, как первую в русской литературе историю русской общественной мысли и критики. «Очерки гоголевского периода» не потеряли своего значения и поныне. Но «Очерки» не столько относятся к области критики, сколько к области истории литературы. Это прежде всего, научная книга. То же самое следует сказать и о другой большой работе Чернышевского «Лессинг и его время», в которой он показал и прекрасное знание западной литературы и глубокое понимание деятельности Лессинга.

Однако не только в таких больших работах, как «Очерки гоголевского периода» и «Лессинг и его время» литературно-критический талант Чернышевского проявился с огромной силой и яркостью. Некоторые из чисто критических статей его—выше всякой похвалы: столько литературного вкуса, глубины и меткости суждений они обнаруживают. Взять, хотя бы статьи о Лье Толстом и Салтыкове-Щедрине. Имея перед со

бой только литературные дебюты этих столь непохожих друг на друга писателей, Чернышевский угадал наиболее характерные черты их писательского облика, сущность их творческого метода.

Выдающийся ученый, исключительно одаренный критик, Чернышевский в то же время был первоклассным публицистом.

Вот отзыв о Чернышевском, как публицисте, принадлежащий писателю, глубоко враждебно относившемуся к великому революционному демократу:

«В том лагере, к которому принадлежал Чернышевский, не было человека, равного ему по смелости мысли, по энергии, сектантской страсти, придававшей могучую силу его лучшим и наиболее важным статьям. Он был ярче и виднее многих современных ему журналистов... он производил впечатление самого выдающегося человека эпохи... Статьи его шумели на всех путях и перекрестках русской жизни, зажигая вокруг него все, что было молодо, все, что умело пылко откликаться на всякое энергичное слово... В обществе его репутация с каждой новой статьей быстро росла и выростала до степени авторитетной значительности и даже славы» (А. Л. Волинский «Русские критики». СПб, 1896 г., стр. 261).

Неудивительно после этого, что многие из печатных выступлений Чернышевского приобретали значение крупных общественных событий. В особенности это относится к его статьям по крестьянскому вопросу. Чернышевский с исключительной энергией и страстностью отстаивал интересы многомиллионных крестьянских масс, добиваясь, чтобы пресловутое «освобождение крестьян» совершилось на демократических основах, а не выродилось в сделку между помещиками и буржуазией, прикрытую авторитетом царя. В статьях Чернышевского по крестьянскому вопросу нашли себе выражение чаяния самого крестьянства, и это, конечно, увеличивало их общественную значимость...

Не менее ярко сказалось публицистическое дарование Чернышевского в тех полемических схватках, в которых ему неоднократно приходилось участвовать, в схватках с махровыми реакционерами, с одной стороны, и с лицемерными российскими либералами, с другой. Тот же А. Л. Волинский должен был признать, что Чернышевский с полным успехом «нападал на сильнейших и талантливейших своих противников... в печати никто не умел победить Чернышевского». Статья Николая Гавриловича «Полемические красоты», направленная против реакционной и либеральной печати, обрушившейся на Чернышевского, как автора «Антропологического принципа в

философии», за проповедь «безбожия и материализма», это — поистине шедевр полемического искусства.

Художественное творчество Чернышевского, в свою очередь, является очень важным звеном его литературной деятельности. Заслуги его как ученого, критика, публициста ни в малой степени не заслоняют достоинств его беллетристических произведений, а прежде всего его единственного в своем роде романа—«Что делать?». Целые поколения русской передовой молодежи шли путем, указанным Чернышевским в «Что делать?», и для них были полны глубокого смысла слова популярной студенческой песни, неизменно распевавшейся в течение долгих десятилетий на легальных и, в особенности, на нелегальных собраниях революционного студенчества:

Выпьем мы за того,
Кто «Что делать?» писал,
За героев его,
За его идеал...

В статьях В. И. Ленина, очень любившего и высоко ставившего Чернышевского, содержится исчерпывающий ответ на вопрос, в чем «идеал» Чернышевского.

«Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 1888 года остаться на уровне философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников» (Соч., изд. 3-е, т. XIII, стр. 295).

«Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую полуфеодальную крестьянскую общину... Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя через препоны и рогатки цензуры—идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (Соч., изд. 3-е, т. XV, стр. 144).

Таким образом, по Ленину, сущность философских взглядов Чернышевского определяется словом материализм, социальных—словом социализм, а политических (для данного момента)—словом крестьянская революция.

Что сделало Чернышевского материалистом, социалистом и сторонником крестьянской революции? Убеждение, что только на основе материалистического понимания исторического процесса возможно социалистическое переустройство общества,

путь к которому (конечно, в его начальной стадии) лежит через крестьянскую революцию¹. А социалистическое переустройство общества—необходимое условие народного счастья.

Вся жизнь, вся деятельность Чернышевского полны горячей любви к родине, глубокого патриотизма и до сих пор служат высоким примером для политических деятелей.

II.

В 1856 г., характеризуя деятельность Белинского, Чернышевский, вынужденный заменить «крамольное» имя Белинского выражением «критика гоголевского периода», писал: «любовь к благу родины была единственной страстью, которая руководила ею: каждый факт искусства ценила она по мере того, какое значение он имеет для русской жизни. Эта идея—пафос всей ее деятельности. В этом пафосе и тайна ее собственного могущества». Здесь нет ни единого слова, которого нельзя было бы отнести к самому Чернышевскому. Николай Гаврилович отнюдь не в меньшей степени, чем Белинский, заслуживает имя великого патриота земли русской.

Показательно, что совсем недавно, в 1939 году, в дни 50-летия смерти Чернышевского, авторы посвященных ему статей с особой настойчивостью подчеркивали его патриотизм.

«Пламенная любовь к народу лежит в основе всей политической, литературной, научной деятельности Чернышевского», писала «Правда» (см. № от 28 октября 1939 г.).

А наша саратовская газета «Коммунист» с своей стороны утверждала: «Чернышевский страстно желал видеть свой народ, свою родину свободными и счастливыми. Он отдал всю свою жизнь, свой светлый ум и сердце родному народу, борьбе против его злейших врагов— царских палачей и крепостников... «Для измены родине нужна чрезвычайная низость души»—в этих словах Чернышевского выражен замечательный облик пламенного патриота. Эта любовь к родине близка и понятна миллионам советских людей» (№ от 29 октября 1939 г.).

На какой почве вырос и развился патриотизм Чернышевского?

Не маловажную роль в формировании политических стремлений Чернышевского сыграли детские и юношеские впечатления Николая Гавриловича.

¹ Отсталость русской жизни помешала Чернышевскому понять, что социалистическое переустройство общества возможно только через пролетарскую революцию.

По своему происхождению Чернышевский «был связан с тем слоем духовенства», который «не принадлежал к привилегированным классам и по своему экономическому и юридическому состоянию, а также по своему бытовому укладу жизни, сливался с разночинством» (А. П. Скафтымов «Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского». Саратовское областное государственное издательство, 1939 г., стр. 6).

Из слов самого Чернышевского известно, что в его семье господствовал «простой человеческий взгляд на каждый отдельный факт жизни» («Литературное наследие», т. I, стр. 117), что его окружали «люди, поступающие, говорящие, думающие сообразно с действительной жизнью» (там же, стр. 114). В результате, «когда пришла пора теоретически разоборать, что правда и что ложь—что добро и зло»,—для Чернышевского эта задача была значительно облегчена. Тем более, что семья, к которой он принадлежал, не была изолирована от жизни трудового народа. «Жизнь моего детства, — вспоминал впоследствии Николай Гаврилович, — была погружена в жизнь моего народа, которая охватывала меня со всех сторон».

Это чрезвычайно важное признание находит полное подтверждение в тех фактах, которые сообщаются в интересных воспоминаниях двоюродного брата и товарища детских игр Чернышевского—А. Н. Пыпина (А. Н. Пыпин «Мои заметки». М., 1910 г., стр. 19). Современная нам исследовательница жизни и деятельности Чернышевского, кровно с ним связанная, Н. М. Чернышевская, суммируя эти факты и дополняя их семейными преданиями, так характеризует детские впечатления Николая Гавриловича: «В Саратове Чернышевский еще мальчиком любил бывать на берегу Волги, где наблюдал тяжелый быт бурлаков. Кругом царил произвол крепостников-помещиков, шли разговоры о волнениях крестьян, о бегстве их от помещиков, об убийстве последних».

На улицах города можно было наблюдать тяжелые сцены провожания рекрутов и торговую казнь—наказание кнутом крестьян и ремесленников. Эти сцены, переданные в воспоминаниях А. Н. Пыпина, с детства впитались в чуткую память будущего писателя, порождая в нем сочувствие к крестьянским массам и ненависть к угнетателям.

В Саратове еще ребенком Н. Г. Чернышевский наблюдал быт купечества и проявления дикого самодурства в лице купца Корнилова и его жены. Наконец, здесь он близко знакомится с отрицательными сторонами духовной среды и духовной школы, из которой рвется к светской науке и «к служению на пользу отечества» (Н. Г. Чернышевский в Саратове». Сара-

товское областное государственное издательство, 1939 г., стр. 3—4).

Таким образом уже в детские годы в орбиту внимания Чернышевского попали два мира: мир угнетенных всем строем тогдашней жизни—крепостных крестьян, бурлаков, рекрутов, и мир угнетателей, т. е. представителей привилегированных социальных классов—помещиков, буржуазии. Поскольку он близко соприкасался с народом и не мог не сочувствовать его тяжелому положению, поскольку, с другой стороны, он, как и его семья, был внутренне чужд привилегированным классам,—его симпатии целиком принадлежали угнетенным, а не угнетателям. При таких условиях было совершенно естественно, что в его душе зародилось стремление помочь угнетенным. Это стремление в своем дальнейшем развитии привело Чернышевского к идее «служения отечеству», которая и составляет основу истинного патриотизма.

Как помочь угнетенным? В какие формы облечь «служение отечеству?»

Юный Чернышевский несомненно задумывался над этим вопросом. Есть указание на то, что в детстве он увлекался «Четьи-Минееми», и былинами о богатырях. Если первые рисовали образы «подвижников», «святых», готовых «душу свою положить за други своя», то вторые рассказывали о доблестных защитниках родной земли, нередко переносивших тяжелые испытания в своем стремлении быть полезными народу. Несколько позже Чернышевский заинтересовался биографиями полководцев, в особенности, теми из них, в которых склонен был видеть народных героев.

Как зрели патриотические настроения Чернышевского? Как развивались его юношеские представления о герое?

В известном письме к Пытину от 30 августа 1846 года, т. е. написанном через какие-нибудь два с половиной месяца после приезда Чернышевского в Петербург, мы встречаемся с рядом поистине замечательных суждений; «Неужели наше призвание ограничивается тем, что мы имеем 150000 войска и можем как гунны, как монголы завоевывать Европу, если захочем?.. Нет, не завоевателями и грабителями выступают в истории политической русские, как гунны и монголы, а спасителями,—спасителями и от ига монголов, которое сдержали они на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергавшеюся всем выстрелам, стеною, которую вполонину было разбили враги, и от другого ига—французов и Наполеона... Решимся твердо, всею силою души, содействовать тому, чтобы прекратилась эпоха, в которую наука была чуждою жизни духовной нашей,

чтобы она перестала быть чужим кафтаном, печальным безлицьем обезьянства для нас. Пусть и Россия внесет то, что должна внести в жизнь духовную мира, как внесла и вносит в жизнь политическую, выступит мощно, самобытно и спасительно для человечества и на другом великом поприще жизни— в науке... И да совершится через нас, хоть частично, это великое событие!. Содействовать славе непреходящей, а вечной своего отечества и благу человечества—что может быть выше и вожделеннее этого?»

Здесь все ясно, все определено, вплоть до необычайно глубокой идеи, которой Чернышевский остался верен до конца дней своих: истинный патриотизм, т. е. стремление к благу отечества не только не противоречит стремлению к благу человечества, но является как бы исходным пунктом для достижения этого блага.

Поразительно, что приведенные выше суждения принадлежат юноше, которому едва исполнилось 18 лет. Нужно было обладать гениальностью Николая Гавриловича, чтобы в эти ранние годы создать столь глубоко продуманную и обоснованную концепцию!

Что же надо делать, чтобы содействовать и благу отечества и благу человечества? Те полудетские ответы на этот вопрос, которые Чернышевский давал в недавнем прошлом, отталкивая внимание то на образах «святых» («Четы-Мишеи»), то на образах богатырей (былины), то на образах полководцев (Корнелий Непот), конечно, уже не могли его удовлетворить. К ответам зрелого человека, к ответам, которым в их основе Чернышевский не изменял в течение всей своей жизни, он пришел несколько позже—в годы своего студенчества.

III.

Петербург, куда Николай Гаврилович приехал 19 июня 1846 г., не мог не поразить его своими социальными противоречиями. Вспомним хотя бы эти яркие строки из сравнительно недавно разысканного нами романа Некрасова, первого его романа, который так и остался ненапечатанным при жизни поэта, «Жизнь и похождения Тихона Тросникова»: «Петербург—город великолепный и обширный. Как полюбил я тебя, когда в первый раз увидел твои огромные дома, в которых, казалось мне, могло жить только счастье, твои красивые магазины, из окон которых металась мне в глаза дорогие ткани, серебро, сверкающие камни, твои театры, балы и всякие сборища, где встречал я только довольные лица, твои больни-

цы и богадельни, как дворцы роскошные и огромные... Столько богатства и роскоши, столько всяких удобств увидел я, что не верилось мне, чтобы нашелся здесь бесприютный — не по доброй воле, голодный—не по расстроенности желудка, недовольный—не по сварливой причудливости характера... «Здесь, думал я, настоящая жизнь, здесь и нигде более счастье!» И как ребенок радовался, что я в Петербурге.

Но прошло несколько лет... Я узнал, что у великолепных и огромных домов, в которых замечал я прежде только бархат и золото, дорогие изваяния и картины, есть чердаки и подвалы, где воздух сыр и зловреден, где душно и темно, где на голых досках, на полусгнившей соломе в грязи, стуже и голоде влачатся нищета, несчастья и преступление. Узнал, что есть несчастливцы, которым нет места даже на чердаках и подвалах, потому что есть счастливы, которым тесны целые дома!»

Социальные контрасты, с одной стороны, усиленное чтение социально-политической и философской литературы (Фурье, Фейербах), с другой, личное знакомство с участниками передовых кружков, в частности кружка Петрашевского, с третьей,— в своем совокупном воздействии на юношу Чернышевского все более и более укрепляли его на позициях демократа, революционера и социалиста. Французская революция 1848 г., за развитием которой со страстным увлечением следил Чернышевский, окончательно сформировала его социально-политическое мировоззрение. Об этом можно судить по записям в его «Дневнике».

Вот запись от 7 сентября 1848 г., заключающая в себе резкий выпад против либералов. «Не люблю я господ, которые говорят: свобода, свобода—и эту свободу ограничивают тем, что сказали это слово, а не вводят в жизнь, не уничтожают социальный порядок, при котором девять десятых — орда, рабы, пролетарии...»

Несколькими днями позже (запись от 18 сентября) Чернышевский говорит о своих политических, более того, партийных симпатиях: «Я стал по убеждению в конечной цели человечества решительным партизаном социалистов, коммунистов и крайних республиканцев... Противники... нисколько в сущности их не понимают и клеветуют на них, как я убедился».

Арест петрашевцев, среди которых у Чернышевского было не мало знакомых, исторгает из его уст настоящий вопль возмущения (запись от 25 апреля 1849 г.): «ужасно подлая и глупая история.. эти скоты, вроде этих свиней Бутурлина и т. д., Орлова, Дубельта и т. д., должны были бы быть повешены. Как легко попасть в историю—я, например, никогда не

усомнился бы вмешаться в их общество, и со временем, конечно, вмешался бы».

Сидя в январе 1850 г. на гауптвахте, куда угодили за то, что попался навстречу одному из университетских заправил в расстегнутом сюртуке, Чернышевский вносит в свой «Дневник» следующее знаменательное признание: «Я был [прежде] того мнения, что абсолютизм имеет естественное стремление препятствовать высшим классам угнетать низшие, что это противоположность аристократии, а теперь я решительно убежден в противном—монарх, а тем более абсолютный монарх, только завершение аристократической иерархии, душою и телом принадлежащий к ней, это все равно, что вершина конуса аристократии... Теперь говорю: [монархия], погибни, чем скорее, тем лучше, пусть народ не приготовленный вступит в свои права; во время борьбы он скорее приготовится...»

Наконец, оканчивая университет, Чернышевский в такой мере жаждет революционного взрыва, в такой мере верит в его неизбежность, что серьезно обдумывает планы того, каким образом ускорить этот взрыв. Сначала ему приходит в голову мысль напечатать подложный манифест с провозглашением освобождения крестьян, упразднения рекрутчины, сбавки налогов и разослать его по всем консисториям в пакетах от святейшего синода. Когда содержание манифеста огласится, думает Чернышевский, то это—«так разовьет и так расколышет народ, что уже нельзя будет и на несколько лет удержать его, и даст широкую опору всем восстаниям». Но сейчас же Чернышевскому приходит в голову, что в таком ответственном деле прибегать к лжи нецелесообразно, ибо, действуя с помощью подлога, легко подорвать доверие масс к приверженцам революционной борьбы; гораздо правильнее избрать другой путь: просто—составить «Воззвание к восстанию... демагогическим языком описать положение и то, что только сила и только они сами через эту силу могут освободиться». Одним словом двадцатидвухлетний Чернышевский как бы намечает здесь программу, которая впоследствии в дни составления воззвания «К барским крестьянам» была им выполнена. Факт поразительного интереса: никому неизвестный юноша-студент уже провидит тот путь, на который через целое двадцатилетие пришлось вступить ему, уже общепризнанному вождю молодого поколения.

Вчитываясь в приведенные строки «Дневника», припоминая содержание многих других страниц этой замечательной книги, нельзя не прийти к заключению, что в душе Чернышевского органически сливались два, казалось бы, противоположных чувства: любовь и ненависть. Страстно любя народ, му-

чительно скорбя об его безысходно тяжелом положении, — с наименьшей страстностью Чернышевский ненавидел тех, в которых видел виновников народных бедствий—представителей привилегированных классов с царем во главе. К Чернышевскому с большим основанием, чем к кому-либо другому, можно применить знаменитые стихи его друга и соратника Н. А. Некрасова:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть!..

Иди:

Кто живет без печали и гнева,
Тот не любит отчины своей!..

Чернышевский был одним из самых выдержанных людей, его умение владеть собой было поразительно. И тем не менее бывали моменты, когда ему очень трудно было сохранить хладнокровие. Показательны переживания и думы героя романа «Пролог», в котором Чернышевский изобразил самого себя: «Ему противно становилось смотреть на этих людей (речь идет о сборище помещиков накануне отмены крепостного права—В. Е. М.), которые останутся безнаказаны и безубыточны во всех своих заграбленных у народа доходах; безнаказаны за все угнетения и злодейства; противно, обидно за справедливость,—и он опускал, опускал нахмуренные глаза к земле, чтобы не видеть врагов народа, вредить которым был бес-силен»...

В этих словах с достаточной силой и ясностью сказалась великая ненависть, жившая в душе Чернышевского. Эту ненависть отчетливо ощущали представители враждебных ему общественных группировок. Характерны те нападки на Чернышевского, которые ввел в одно из писем к Некрасову (от 2 июля 1856 г.) Лев Толстой, придерживавшийся в 50-е годы дворянско-охранительных взглядов. Писатель отозвался о Чернышевском, как о человеке «возмущенном, желчном», вечно «говорящем тупые неприятности», т. е. беспощадно критикующем современную действительность, которая (и при Александре II не перестала быть «гнусной расейской действительностью».

Сохранился ответ Некрасова на это письмо Толстого. «Особенно мне досадно,—писал Некрасов Толстому от 22 июля 1856 г.,—что вы так браните Чернышевского... Вам теперь хорошо в деревне, и Вы не понимаете, зачем злиться. Вы говорите, что отношения к действительности должны быть здоровыми, но забываете, что здоровые отношения могут быть к здоровой действительности. Гнусно притворяться злым, но я стал

бы на колени перед человеком, который лопнул бы от истинной злости—у нас к ней не мало поводов. И когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, т. е. больше будем любить—любить не себя, а свою родину...»

Эти слова с исключительной яркостью характеризуют специфическую черту того патриотизма, который был присущ лучшим представителям революционно-демократической интеллигенции. Под некрасовской формулой: «когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, т. е. больше будем любить, любить не себя, а свою родину», не задумались бы подписаться и Чернышевский, и Добролюбов, и Салтыков-Щедрин, и многие другие.

В том же самом 1856 г., к которому относится спор Некрасова с Толстым о Чернышевском, Николай Гаврилович с наибольшей отчетливостью и определенностью сформулировал свои взгляды на патриотизм.

В IV главе «Очерков гоголевского периода русской литературы» содержатся эти, поистине, замечательные строки:

«Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство—силою его патриотизма. Ломоносов, Державин, Карамзин, Пушкин справедливо считаются великими писателями, но почему? Потому что оказали великие услуги просвещению или эстетическому воспитанию своего народа. Ломоносов страстно любил науку, но думал и заботился исключительно о том, что нужно для блага его родины. Он хотел служить не чистой науке, а только отечеству. Державин даже считал себя имеющим право на уважение не столько за поэтическую деятельность, сколько за благие свои стремления к государственной службе. Да и в своей поэзии что ценил он? Служение на пользу общую. Тоже думал и Пушкин... Но ни в ком из наших великих писателей не выражалось так живо и ясно сознание своего патриотического значения, как в Гоголе. Он прямо себя считал человеком, призванным служить не искусству, а отечеству, он думал о себе:

«Я не поэт, а гражданин»...

Вчитываясь в этот отрывок, нельзя не прийти к заключению, что патриотизм, с точки зрения Чернышевского, не только отличительная особенность русской литературы, но и непременное условие, которому она должна удовлетворять, если не хочет изменить своему великому назначению. Требуя от искусства, чтобы оно не только «воспроизводило» действительность, но и объясняло и судило ее, отдавая предпочтение

критическому реализму над другими видами реалистического искусства.—Чернышевский выдвигал «служение на пользу общую», как мерило, которым следует руководствоваться и при объяснении действительности и при суде над нею.

Сказанное Чернышевским об искусстве и литературе он, без всякого сомнения, относил и к другим видам общественной деятельности.

IV.

О том, что Чернышевский ненавидел и ненавидел жгучею ненавистью тех, кого он считал «врагами народа» (см. приведенную выше цитату из романа «Пролог»), не может быть двух мнений. Об этом свидетельствует вся его жизнь, вся его деятельность. О силе и глубине ненависти Чернышевского, о тех опасностях, которыми она им грозит,—очень хорошо знали те, против кого она была направлена. Недаром их печатная полемика против Чернышевского, тем более доносы на Чернышевского, в таком изобилии посылаемые в Третье отделение, производят впечатление какой то истерики, причем трудно решить, чего больше в ней—дикого, неистового озлобления или заставляющей терять всякое самообладание боязни.

Вот один из образчиков этих доносов. «Что вы делаете?—обращается безыменный доносчик к «властям предержажим»,—пожалейте Россию, пожалейте царя.. Неужели не найдете средств спасти их от такого зловредного человека?.. Ежели вы не удалите его, то быть беде, будет кровь, ему нет места в России—езде он опасен.. Эта бешеная шайка жаждет крови, ужасов и пойдет напролом,—не пренебрегайте ею. Избавьте нас от Чернышевского—ради общего спокойствия...» и т. д. и т. п.

Несмотря на ряд преувеличений и нелепостей, бросающихся в глаза при чтении этого и подобных ему документов, нельзя отрицать, что авторы их имели достаточные основания видеть в Чернышевском опасного, способного внушать страх врага. В основе неистового озлобления против Чернышевского как со стороны махровых реакционеров, так и со стороны слабодушных российских либералов лежало крайнее недовольство его позицией в крестьянском вопросе. В подтверждение этого можно было бы привести не малое количество ссылок на соответствующие документы, например, угрожающие письма, посылаемые Чернышевскому российскими «плантаторами», в которых они высказывали крайнюю степень возмущения тем, что при обсуждении выкупной операции он настаивал на низ-

кой оценке их земель¹, опасаясь, что высокая оценка в конечном результате приведет к разорению и обнищанию крестьянства².

Таким образом, позиция Чернышевского в крестьянском вопросе была позицией пламенного и убежденного демократа.

Между тем, как ни странно, именно демократизм Чернышевского, именно его пламенная и страстная любовь к народу брались под подозрение его противниками.

Вопрос ставился так: Чернышевский неоднократно допускал в своих статьях резкие суждения о народе, следовательно, он не любит народа, более того—презирает его. В статьях Чернышевского, действительно, были критические замечания по поводу некоторых сторон народного характера, однако сущность вопроса не столько в этих замечаниях, сколько в тех общественно-психологических мотивах, которыми они продиктованы. А продиктованы они, все без исключения, все тем же глубоким и искренним чувством любви к народу, страстным желанием, чтобы он наконец проложил себе путь к счастливой, т. е. свободной и зажиточной жизни.

Вот характерный пример. Приведя в статье об Николае Успенском («Не начало ли перемены?») знаменитые стихи из поэмы Некрасова «Коробейники»:

Я в деревню: «мужик! ты тепло ли живешь?»

—Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно.

Я в другую: «мужик! «хорошо ли ешь, пьешь?»

—Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно и т. д.

— Чернышевский продолжает: «жалкие ответы, слова нет, но глупые ответы». «Я живу холодно, холодно».—А разве не можешь ты жить тепло? Разве нельзя быть избе теплою? — «Я живу голодно, голодно».—Разве нельзя тебе жить сытно, разве плоха земля, если ты живешь на черноземе, или мало земли вокруг тебя, если она не чернозем, чего же ты смотришь?—«Жену я бью, потому что рассержен холодом».—Да разве жена в этом виновата?—«Я в кабак иду с голоду». — Разве накормят тебя в кабаке? Ответы твои понятны только

¹ Здесь уместно будет отметить, что Чернышевский соглашался на выкупную операцию с очень тяжелым сердцем, ибо не признавал за помещиками права на землю. Однако он понимал, что помещики никоим образом не отдадут земли даром, а поэтому во имя скорейшего разрешения крестьянского вопроса шел на уступки, т. е. допускал выкуп земли, при неизменном условии, что он не будет разорительным для крестьян.

² Эти опасения, как показало будущее, вполне оправдались.

тогда, когда тебя признать простофилю. Но не так следует жить и не так следует отвечать, если ты не глуп».

Выраженное здесь возмущение поведением «простофили» продиктовано не презрением к нему, а страстным желанием, чтобы «простофиля» осознал, наконец, в чем истинная причина его бедности, его некультурности, а осознав это, перестал быть «простофилей», т. е. раз навсегда отрешился от пассивного отношения к окружающей его социальной несправедливости, преодолел привитое долгими годами рабства пресловутое «долготерпение». Иначе говоря, в основе этих высказываний все та же любовь к народу. Так именно и расценивал их В. И. Ленин. Приведа ряд суждений Чернышевского из романа «Пролог» о великоруссах, как «жалкой нации, нации рабов», Ленин усмотрел в них проявление «настоящей любви к родине, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского народа» (Соч., изд. 3-е, т. XVIII, стр. 81).

Можно было бы на многих примерах показать, что, тоскуя, «об отсутствии революционности в массах великорусского населения», Чернышевский, этот великий патриот-революционер не упускал случая засвидетельствовать и свою любовь и свое уважение к этим массам, когда обстоятельства того требовали.

Ограничимся только одним примером. С каким бурным негодованием обрушился Чернышевский на реакционеров, вздумавших обвинять русский народ в лени: «О ком это говорится, что он ленив? О каком-нибудь итальянце или арабе? Нет, о русском мужике. Почему не говорится также, что у русского мужика белые руки с изящно отточенными ногтями, что он любит играть в преферанс, что он обыкновенно обедает на фарфоровом сервизе? Почему бы также не говорить, что он исповедует магометанскую веру или читает книги на английском языке? Ведь, это было менее нелепо, нежели говорить о его лени. Нет в Европе народа более усердного к работе, потому что нет народа, который жил бы в климате более суровом, требующем более труда для ограждения существования... Кому из европейских поселян денег надо больше, нежели русскому мужику? На ком лежат более высокие подати? Кому из европейских поселян нужен тулуп? Наша суровая природа не потворствует лени. Наши учреждения таковы, что вольному мужику нужно работать без отдыха круглый год, чтобы хоть как-нибудь свести концы с концами. У кого на руках более многочисленная семья? У какого народа из каждых двух братьев один кормит две семьи, потому что другой взят в рекрутчину? Грех нам и стыдно говорить о недостатке охоты к работе у русского мужика» («Материалы для решения крестьянского вопроса»).

С неменьшей силой демократизм Чернышевского, спаянный с неизменно владевшим им патриотическим настроением, проявился в его мечтах о том светозарном будущем, которое ждет русский народ.

Вспомним, хотя бы, поистине, бессмертные строки из «Четвертого сна Веры Павловны» («Что делать?»):

«Здание громадное, громадное здание, каких теперь лишь понемногу в самых больших столицах,—или нет теперь ни одного такого! Оно стоит среди нив и лугов, садов и рощ. Нивы—это наши хлеба, только не такие, как у нас, а густые, густые, изобильные. Неужели это пшеница? Кто же видел такие колосья? Кто же видел такие зерна? Только в оранжерее можно было бы теперь вырастить такие колосья с такими зернами. Поля, это наши поля, но такие цветы теперь только в цветниках у нас. Сады, лимонные и апельсиновые деревья, персики и абрикосы—как же они растут на открытом воздухе?..

Но кто же живет в этом доме, который великолепнее дворцов? «Здесь живет много, очень много; иди, мы увидим их...» По этим нивам рассеяны группы людей; везде мужчины и женщины, старики, молодые и дети вместе... Группы, работающие на нивах, почти все поют; но каждой работой они заняты? Ах, это они убирают хлеб. Как быстро идет у них работа! Но еще бы не идти ей быстро, и еще бы не петь им! Почти все делают за них машины—и жнут, и вяжут снопы, и отвозят их,—люди почти только ходят, ездят, управляя машинами; и как они удобно устроили себе; день зноен, но им конечно, ничего: над тою частью нивы, где они работают, раскинут огромный полог; как подвигается работа, подвигается и он—вот как они устроили себе прохладу! Еще бы им не быстро и не весело работать, еще бы им не петь!...

— Неужели же это мы, неужели это наша земля? Я слышала нашу песню, они говорят по-русски. «Да, ты видишь недалеко реку—это Ока; эти люди—мы»... и т. д. и т. п.

Не отрицая налета утопизма в этих описаниях,—все же приходится признать, что многое характеризующее жизнь в социалистическом, тем более коммунистическом обществе, угадано здесь Чернышевским с гениальной прозорливостью.

Чернышевский дал картину грядущей жизни народа. Но какого народа? Который, остараясь народом, слился уже с интеллигенцией. По глубокому убеждению Чернышевского, будет время,—конечно при условии социалистического переустройства общества,—когда грани между народом и интеллигенцией, людьми физического и людьми умственного труда, сотрутся. Народ станет интеллигенцией, а интеллигенция народом.

Патриотизм и демократизм Чернышевского, проходя красной нитью через его печатные высказывания, наложили в то же время чрезвычайно яркий отпечаток на его жизнь и деятельность. Слово никогда не расходилось у него с делом. Неустанно проповедуя на страницах своего журнала любовь к родине и народу, Чернышевский был активным поборником этой любви в своей деятельности.

Еще студентом, Чернышевский не упускал случая вести революционную пропаганду среди народа, оправдывая имя патриота-революционера. Об этом говорит целый ряд записей в его «Дневнике». Однако, эта пропаганда носила в то время еще случайный характер, ограничиваясь беседами то с перевозчиком через Неву, то с извозчиком.

Если считать началом общественного служения Чернышевского годы его педагогической деятельности в Саратове (1851—1853), то нужно указать, что она носила ярко выраженный революционно-патриотический характер, причем,—и это особенно характерно для Чернышевского,—он пропагандировал не только революционные и социалистические, но и материалистические идеи.

Близко знавший Чернышевского в интересующий нас период времени Н. И. Костомаров в своей «Автобиографии» утверждает: «учение, которое он всюду и везде проповедывал, где только мог,—было таково: отрицание божества; религиозное чувство в его глазах было слабостью суеверия и источником всякого зла и несчастья для человека... Отсюда истекало у Чернышевского и отрицание святости всяких властей, всего того, что имело поползновение стеснять свободу человеческой жизни. Весь общественный порядок, удерживающийся до сих пор, есть великое зло, которое разрушится при дальнейшем развитии человеческой мысли. Никакое правительство из правительств, существовавших в различных формах, не может назваться хорошим; все носит в себе зародыши зла, и нам нужен радикальный переворот. Прудоновское положение, что собственность есть зло, Чернышевский развивал до крайних пределов, хотя сознавался, что идеал нового общественного строя на коммунистических началах еще не созрел в умах, а достичь его возможно только кровавыми разрушительными переворотами».

Выражение, употребленное здесь Костомаровым, «всюду и везде проповедывал», позволяет думать, что Чернышевский в своей деятельности пропагандиста не ограничивался стенами Саратовской гимназии, но все же едва ли можно сомневаться,

что Саратовская гимназия была главной ареной его пропагандистской деятельности.

Авторитетный исследователь педагогических идей и педагогической работы Чернышевского в Саратове, Ш. И. Ганелин, совершенно прав, говоря: «Не надо думать, что Чернышевский на уроках занимался агитацией, как таковой. При своем огромном педагогическом такте, который сочетался с искусной конспирацией, столь характерной для Чернышевского, он, конечно, не мог и не должен был этим заниматься. Он делал свое политическое дело в школе чрезвычайно умело, в высокой степени искусно и осторожно, с большим политическим и педагогическим тактом. Дело в том, что Чернышевский всем своим существом, всем содержанием своих уроков, своими беседами, разъяснениями, формировал мысль, чувства, волю своих учеников, воспитывал в них определенное мировоззрение, внушал ненависть к существовавшему тогда государственному строю, рисовал перед ним свои политические идеалы» (Н. Г. Чернышевский. «Труды научной сессии Ленинградского Госуд. унив. к 50-летию его смерти». 1941 г.).

Тем не менее иногда Чернышевского, как говорится, «прорывало», и он начинал в классе бичевать крепостное право или пускался в рассказы о деятельности Конвента, об его политических партиях. Во всяком случае Чернышевский имел достаточные основания записать в своем «Дневнике»: «Я делаю здесь такие вещи, которые пахнут каторгой—я такие вещи говорю в классе»... «Такие вещи» были, само собой разумеется, внушены Чернышевскому революционно-патриотическим направлением его мыслей.

Чернышевский имел настолько сильное влияние на умы своих учеников и даже на некоторых своих товарищей по преподаванию, что оно держалось в стенах Саратовской гимназии много лет.

Вот что доносил попечитель Казанского учебного округа Шестаков в своем докладе министру народного просвещения от 3 июля 1866 г., разысканном проф. Ш. И. Ганелиным: «Сколько годов полной небрежности, умственной и нравственной порчи должны были пройти над этим несчастным заведением... Между учениками высших классов существовали сборища, участники этих сборищ, так называемые гуманисты, были пропитаны самыми вредными идеями... История Саратовской гимназии шла особенным, исключительным путем: один за другим непрерывно следовали в ней несколько преподавателей, которые своими внушениями сеяли недобрые семена. Первым таким вредным сеятелем был учитель русской словесности Чернышевский, который впоследствии оказался тлетвор-

ным литературным деятелем. Два года он был учителем в Саратовской гимназии и занимался не столько уроками по своему предмету, сколько пропагандой зловердных идей. Вместе и в одном направлении с Чернышевским, имевшим, по общему отзыву, особенно сильное и вредное влияние на учеников и даже на многих своих сослуживцев, действовал гораздо менее даровитый, но столь же либеральный учитель географии Белов... За Чернышевским называют учителя русской словесности Варенцова... За Варенцовым следовал Миловидов, учитель недалекий, но равно подражавший своим предшественникам».

Ко времени пребывания Чернышевского в Саратове относится подробно изложенное в «Дневнике» любовное его объяснение с его будущей женой Ольгой Сократовной Васильевой.

«С моей стороны,—говорил Чернышевский Ольге Сократовне,—было бы низостью, подлостью связывать с своей жизнью еще чью-нибудь и потому, что я не уверен в том, долго ли я буду пользоваться жизнью и свободой. У меня такой образ мыслей, что я должен с минуты на минуту ждать, что вот явятся жандармы, отвезут меня в Петербург и посадят меня в крепость, бог знает, на сколько времени. Я делаю здесь такие вещи, которые пахнут каторгою—я такие вещи говорю в классе... И я не могу отказаться от этого образа мыслей потому, что он лежит в моем характере, ожесточенном и недовольном ничем, что я вижу кругом себя. У нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем... Это непременно будет. Неудовольствие народа против правительства, налогов, чиновников, помещиков растет. Нужно только одну искру, чтобы поджечь все это... Сомнение одно,—когда это вспыхнет... Может быть лет через десять, но я думаю, скорее. А если вспыхнет... я приму участие... Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня...»

И так в ту минуту, когда личные чувства обычно берут перевес над всеми другими, Чернышевский говорил о своих социально-политических взглядах, о близкой, как ему казалось, революции, о неизбежности своего участия, активного участия в ней. Отсюда было совершенно неправильно делать вывод, что любовь к Ольге Сократовне играла второстепенную роль в его жизни. Ничуть не бывало! Чернышевский глубоко, пламенно, страстно любил Ольгу Сократовну, но одним из основных принципов его жизни и деятельности было: личное подчинить общему, т. е. велениям гражданского, иначе говоря, патриотического долга. Чернышевский имел полное право сказать о себе на страницах того же «Дневника»: «Я ни-

сколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, братства, равенства и довольства, уничтожения нищеты и пороков... И если уверен буду, что они восторжествуют, даже не пожалею, что не увижудня торжеств и царства их, и сладко будет умереть, а не горько...»

Патриотическими же мотивами целиком определялось направление журнального и литературного служения Чернышевского. Около десяти лет (с 1853 г. по 1862 г.) он был вдохновителем лучшего журнала эпохи; свыше десяти лет он печатал в «Современнике» статьи, рецензии, заметки и т. д. Среди этого необозримого множества работ нет ни одной, которая была бы написана из побуждений личного интереса. На всем, что писал и печатал Чернышевский, лежит печать удивительной целеустремленности.

Чернышевский в 1888 г. писал Солдатенкову о результатах своей работы в «Современнике»: «я хорошо служил своей родине, и имею право на признательность ее».

314453. В 1861 году, убедившись, что правительство Александра II обмануло народ, осуществив реформу в интересах крепостников, Чернышевский не мог не прийти к мысли, что наступила пора от пропаганды своих идей в легальной печати перейти к активному революционному действию, ибо в создавшихся условиях нет лучшего способа послужить родине и народу.

Вступая на путь активной революционной борьбы, Чернышевский очень хорошо знал, какими опасностями чреват этот путь, знал, что он очень многое, и прежде всего свое личное счастье, ставит на карту. Но это сознание ни на минуту не заставило его задуматься, поколебаться. И в данном случае поведение Чернышевского целиком определялось его патриотизмом.

Тот же высокий и благородный патриотизм одушевлял Чернышевского в долгие годы его тюремного заключения, каторги, ссылки. Чернышевский на каторге — это прежде всего патриот-революционер, плененный врагами, но не павший духом, не потерявший веру в правоту своего дела, глубоко убежденный, что наступит время, когда высота его патриотического подвига будет признана. Вот почему с суровой непреклонностью он отвергал все советы просить у властей снисхождения, добиваться смягчения своей участи. Ему, патриоту, ему — борцу за народное дело, не у кого и не об чем было просить в царской России.

Мысли, высказывания Чернышевского о войнах, об освободительной борьбе народов, раскрывают новую сторону его революционно-патриотического отношения к своей родине, к интересам трудового народа.

Чернышевский очень хорошо сознавал, что война войне рознь. В «Очерках гоголевского периода» (гл. VI) содержатся следующие замечательные слова: «Пагубна или благотворна война?» Вообще нельзя отвечать на это решительным образом. Надобно знать, о какой войне идет дело, все зависит от обстоятельств, времени и места. Для диких народов время войны менее чувствителен, польза ощутительнее; для образованных народов война приносит обыкновенно менее пользы и более вреда. Но, например, война 1812 г. была спасительной для русского народа. Марафонская битва была благотворнейшим событием в истории человечества». Иными словами Чернышевский не только оправдывает войны против захватчиков, но рассматривает их, как положительное явление в развитии прогресса. Само собой разумеется, что таково же отношение Чернышевского к гражданским войнам освободительного характера. Он горячо симпатизировал Гарибальди в его борьбе за освобождение и объединение Италии, борьбе Северных штатов Америки против рабовладельческого Юга.

Среди произведений, составляющих литературное наследие Чернышевского, есть одно поразительно актуальное с точки зрения переживаемого нами исторического момента. В нем говорится о борьбе свободолюбивого народа со вздумавшими поработить его захватчиками и о роли в этой борьбе народно-го вождя. Это произведение, — стихотворная поэма Чернышевского, скрывавшегося под псевдонимом Дензиля Эллиота, — «Гимн деде неба».

Напомним содержание этой сравнительно малоизвестной поэмы.

Сицилия подверглась нападению карфагенских полчищ. Встретив особенно упорное сопротивление под стенами греческого города Аграганта, вождь карфагенян Газдрубал требует сдачи города. Если граждане Аграганта примут его предложение, они могут рассчитывать на пощаду; в противном случае им грозит гибель. Граждане Аграганта сознают опасность своего положения, но о сдаче города и слышать не хотят.

В ответ посламы дали,

Весь народ нам дал ответ:

«Газдрубалу вы скажите:

Грекам легче рабства смерти!

Будь, что будет, не сдадимся,
Будем биться до конца!»

Начинаются кровавые бои. Газдрубал штурмует Аграгант. Ты карфагеняи все прибывают. Положение города становится критическим.

Когда надежды, казалось, утеряны, происходит полная перемена смысла сцена: перед народом появляется его вождь. Призыв вождя к народу, единение вождя с народом быстро меняют положение дел:

Смело ринулись мы в бой...
И бежит перед нами враг...

В рассказе Чернышевского о героической борьбе Аграганта с карфагенянами многое, очень многое напоминает то, что происходило с Ленинградом осенью и зимой 1941—1942 гг. Ленинград, подвергшийся нападению сильного и многочисленного врага, находился в опасности. Но защищавшая его Красная Армия, но его героическое население проявили решимость бороться до конца. Призыв великого Сталина, вождя советского народа, укрепил эту решимость, зажег в сердцах ленинградцев, как и в сердцах всего советского народа, непоколебимую, пламенную веру в полную и окончательную победу.

Независимо от всяких аналогий, следует подчеркнуть, что основой данной поэмы Чернышевского положена великая идея: в свобододолюбии народа, в единении народа с властью, в безграничном доверии народа к вождям—залог преуспевания народа, залог его победы над насильниками и захватчиками, как бы сильны они ни были, каких бы временных успехов им ни удавалось достигнуть.

Величие одушевлявшего Чернышевского патриотизма—в его действенности. Революционер-демократ не только словом, вдохновенным словом, но и практическим делом служил своей родине, боролся за счастье народа. Образ несгибаемого Николая Гавриловича Чернышевского дорог и вдохновляет бойцов Красной Армии, а также советского народа на благо социалистической родины, на окончательную победу над лютым врагом—герман-

Экземпляр

АМ, 25, и 99

Ср. кр. в. (1942)

Саратовское областное государственное издательство

Отв. редактор А. Абрамович.

Подписано к печ. 31/VII 1942 г. НГ21
Печ. к. 1 1/4. Знаков в бум.

Саратов. Типография № 1 Г